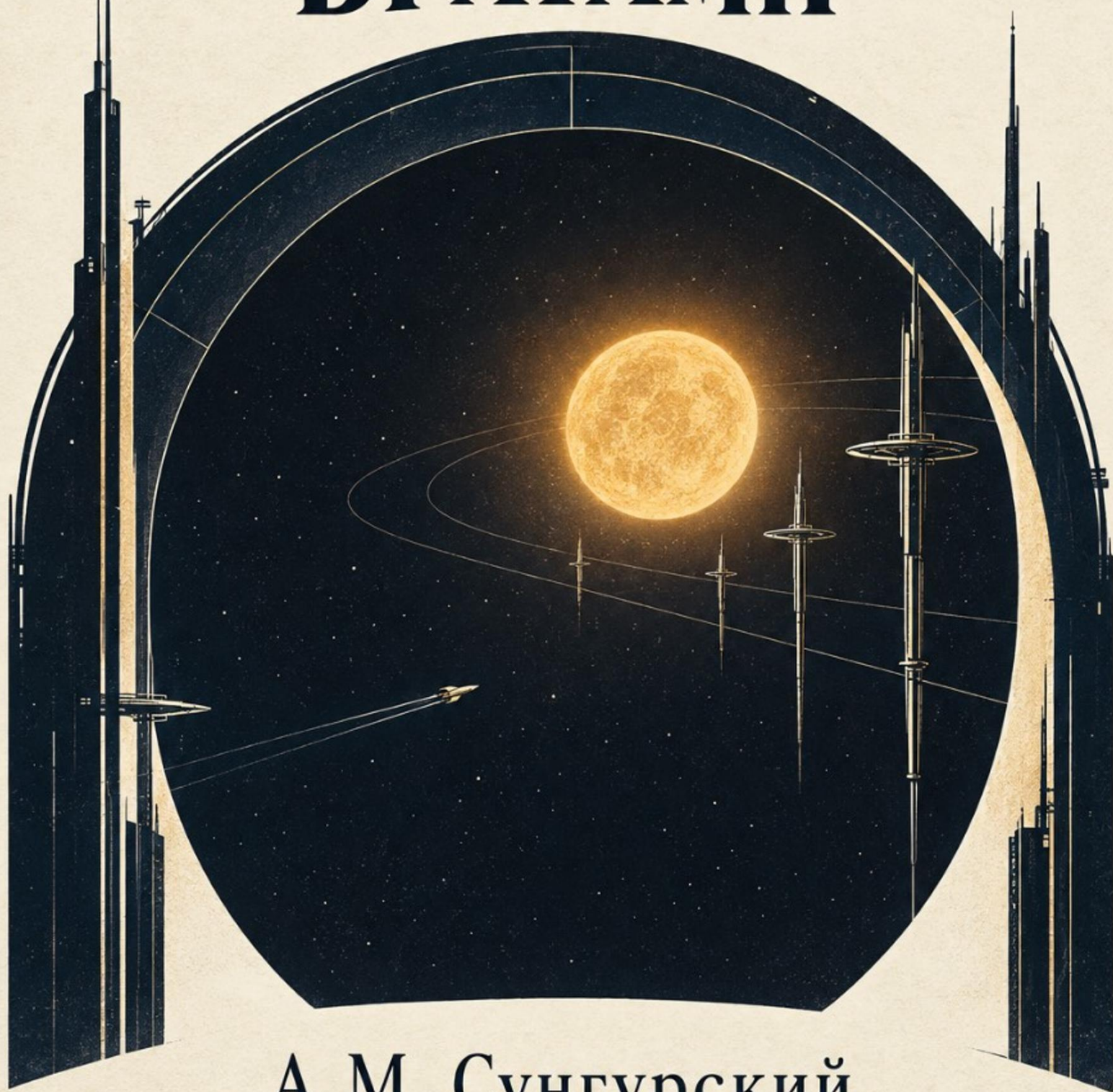

СОЛНЦЕ ЗА ПОСЛЕДНИМИ ВРАТАМИ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Солнце за последними воротами

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Солнце за последними вратами / А. Сунгурский — «Автор»,
2026

В 2306 году открываются врата к движущейся звезде. Оттуда приходит сообщение от отца Эйлин Сенн, исчезнувшего сорок лет назад. Для него разлука длилась больше шести тысяч лет. Эйлин отправляется за врата, чтобы понять, почему отец не вернулся. Там живут люди, для которых минута вмещает дни. Их судьбу пытаются решить имперские командиры, а установки звёздного двигателя способны ударить по кораблям. Чтобы помочь жителям выбраться, Эйлин решается перейти в ускоренный мир. За неполные шесть внешних суток она проживёт почти четыре года. У неё появятся работа, друзья и человек, с которым захочется остаться. Дома её ждёт взрослая дочь. Эйлин обещает вернуться. Но чем дольше длится её новая жизнь, тем лучше она понимает отца, чьего молчания не могла простить.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пропущенная нота	5
Глава 2. Вещи, которые остались	10
Глава 3. Прибывшие врата	15
Глава 4. Тень на солнце	21
Глава 5. Человек, которого помнили	25
Глава 6. Первый общий час	30
Глава 7. Носители города	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А.М. Сунгурский

Солнце за последними воротами

Глава 1. Пропущенная нота

Отец Эйлин Сенн всегда пропускал четвёртую ноту. Она узнала мелодию раньше, чем вспомнила об этом.

Первые три звука были короткими. После них свисток словно набирал воздуха, хотя на деревянном свистке можно было сыграть всю нехитрую песенку одним выдохом. В детстве Эйлин пыталась заполнить паузу сама. Получалось плохо: между передними зубами оставалась щель, и вместо ноты выходило мокрое шипение. Отец ждал, потом доигрывал конец.

Теперь конец звучал в наушнике навигационной станции, поверх потрескивания служебного канала.

Эйлин сняла наушник.

Через стекло рабочего отсека были видны две приёмные антенны. Они медленно поворачивались на фоне Эдры — звезды, давшей имя всей системе. Серый фильтр приглушал её свет. Ни солнце, ни антенны не могли свистеть. Звук создала аппаратура, переводя последовательность принятых импульсов в слышимые частоты. Такой режим включали для поиска повторов: иногда ухо замечало лишний интервал раньше, чем глаз уставал от одинаковых столбцов.

— Верни на двадцать секунд, — сказала она.

Хади Мери, сидевший напротив, поднял голову от раскрытого контейнера с ужином.

— Ты нашла разметку?

— Пока не знаю.

Он поставил воспроизведение на повтор. У него тоже был наушник, но мелодия ничего ему не говорила. Хади слушал с тем выражением, с каким днём наблюдал за плохо отбалансированным вращением грузового буксира: терпеливо, ожидая повторения ошибки.

Эйлин успела услышать запись дважды. Потом остановила её.

— Это обязательно звук? — спросила она. — Или мы его придумали?

— Частоты сдвинуты вниз. Интервалы исходные. Могу дать необработанный сигнал, но твоё ухо будет против.

— А пауза?

— На входе. Девятьсот двенадцать миллисекунд. В каждом повторе одинаковая.

Одинаковая. Отец не выдерживал паузу точно. Иногда ждал, пока она засмеётся, иногда продолжал сразу, а однажды свистел так медленно, что мать пригрозила отобрать инструмент до конца ужина. Перед ними была запись. Или специально составленная последовательность. Эйлин вернула наушник на держатель, чтобы не слушать ещё раз.

Объект появился в утреннем обзоре восьмого сентября. Сначала служба движения приняла его за давно ожидаемый автоматический перевозчик: похожая тяга, правильный подход к плоскости внешних маршрутов, ясное намерение затормозить, не приближаясь к населённым орбитам. Затем обнаружилось, что ожидаемый перевозчик ещё летит за орбитой восьмой планеты, а этот пришёл с другого направления и не отвечает ни одним действующим опознавательным кодом.

Объект передавал открыто, поочередно направляя узкий луч на разные приёмники. К полудню с ним работали военные, таможня и три страховых расчётных службы. Навигационной станции Орибы досталась простая часть: понять, где он находится и куда попадёт, если прекратит торможение.

В этой части ничего страшного не было. Объект оставался примерно в шести световых минутах от станции. Его путь проходил далеко от Орибы, торговых причалов и пассажирских трасс. Даже полный отказ тяги не создавал непосредственной угрозы поселению.

Эйлин подписала расчёт в семнадцать часов. Через час объект начал передавать свист.

— Покажи весь пакет, — попросила она.

Хади отодвинул ужин. Над столом развернулось изображение: служебные блоки, последовательности чисел, контрольные суммы, длинная пустая область, которую приёмник пока не умел разобрать. Музыкальная строка повторялась между разделами.

— Они знают старую сетевую разметку, — сказал Хади. — Таковую отменили лет тридцать назад. Но не всю. Здесь отправитель перепутал порядок полей. Или наш переводчик перепутал.

— Поставь старый разборщик, без исправлений.

— Он будет ругаться.

— Пусть.

Пустая область заполнилась. Появилась схема кольца, размеры, масса центрального корпуса и дата последнего обновления траектории. Хади провёл ладонью над столом, увеличивая схему.

— Врата, — сказал он.

Изображение показывало один конец сопряжённой пары. Вокруг кольца ещё держалась транспортная рама; возле неё стояли два длинных блока, похожих на остатки разгонных двигателей. Не устройство, которое следовало собирать на месте, и не чертёж. Кто-то привёз к Эдре готовый вход.

Эйлин проверила дату. Пакет был отправлен шесть минут назад. Двенадцать лет пути перевозчика помещались в одну строку, но новый конец врат не сокращал этот срок задним числом. Он действительно летел между звёздами, пока на Орибе строили третью жилую дугу, а Нери оканчивала школу и поступала в училище.

— Откуда? — спросил Хади.

Эйлин уже смотрела на координаты второго конца.

Немет.

В рабочем каталоге возле этого имени оставалась серая пометка: «Сопряжение утрачено». Ниже — дата аварии, состав экспедиции, редкие световые сводки с Немета. Каждый такой пакет шёл больше трёх с половиной лет. Там существовало поселение, работала обсерватория, строились новые установки. Люди на Орибе знали об этом. Эйлин знала даже, что имя отца ещё встречается в списках навигационной службы. Ни одна строка не была письмом ей.

Последняя запись касалась сокращения зоны страховой ответственности. Эйлин когда-то прочитала её и почувствовала облегчение: хотя бы этот документ не притворялся сообщением о чьей-то судьбе.

Хади перестал трогать схему. Он знал, куда ушёл её отец.

— Надо позвать дежурного руководителя.

— Позови. И сохрани исходный пакет отдельно.

— Уже сохраняется.

— Ещё одну копию. Без нашей расшифровки.

Он кивнул. На столе появилась отметка о записи. Эйлин не чувствовала радости. Отчётливее всего ощущался ремень кресла, проходивший под рёбрами: утром она затянула его слишком сильно и с тех пор не замечала.

Внутри пакета лежали измерения Немета. Несколько рядов приходили с приборов по другую сторону врат. Другие представляли старые данные, сопоставленные с новыми. Эйлин могла проверить арифметику, но не могла по одному чужому сообщению установить, существуют ли сами приборы. Она отделила наблюдения от выводов и вывела обе группы рядом.

Справа звезда шла по давно рассчитанной траектории. Слева — чуть в стороне.

Разницу пришлось увеличить в несколько миллионов раз, чтобы увидеть на схеме. Получились две тонкие линии. Хади посмотрел на них, затем на указанную погрешность.

— Другая масса соседей?

— Возможно.

— Ошибка старого каталога?

— Возможно.

— А по их расчёту?

— Дополнительная сила. Почти постоянная на последнем участке.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Они утверждают, что толкают звезду.

В коридоре за стеклянной дверью прошла смена техников. Один нёс ботинки в руке. Другой остановился у питьевого устройства и ударил его ладонью сбоку. Обычный вечер продолжался, и Эйлин была за это благодарна.

— Они прислали числа, — ответила она. — До слова «толкают» нам ещё работать.

Хади коротко усмехнулся, но возражать не стал.

Дежурный руководитель подключился с мобильного терминала. За его плечом дрожал свет посадочной полосы: он находился на другом конце Орибы и тоже собирался домой. Эйлин показала ему кольцо, координаты и две линии звёздного движения. Про мелодию сначала не сказала.

— Военные получили то же самое? — спросил он.

— У них свой приёмник, — ответил Хади. — Луч прошёл по нему на девятнадцать секунд раньше нашего.

— Значит, через минуту начнут требовать заключение.

— Наше заключение — входящие данные не проверены, — сказала Эйлин. — Координаты перевозчика подтверждаем. Назначение груза следует из его сообщения.

Руководитель выслушал её, не перебивая.

— Что требуется для проверки?

Она повернула к нему второй экран.

У станции имелись два малых разведчика, приготовленных для измерения дрейфа старого навигационного маяка. Их должны были отправить на следующий день. Если изменить задание сейчас, можно было направить одного к новому кольцу. На подход уйдёт больше суток, затем потребуются проверка прохода и согласование. Даже после этого они получат всего один собственный прибор возле звезды.

— Два, — сказал Хади. — Один останется с нашей стороны. Без такого сравнения мы не поймём, что делает само сопряжение с отметками времени.

Эйлин добавила второй аппарат. Он был прав.

— А маяк? — спросил руководитель.

— Две грузовые линии придётся ещё неделю вести с обычной погрешностью. Мы уже допускали такой режим в июне. Его не любят перевозчики, но это не опаснее нынешнего расписания.

— Подготовьте замену задания. Решение по проходу будет отдельно. Никакого входа на основании приглашения неизвестного отправителя.

— Конечно.

Он хотел отключиться, но Эйлин остановила его.

— Есть ещё одна вещь. Она не относится к навигационному заключению.

Она рассказала о свистке.

На экране руководитель стоял неподвижно. Хади смотрел на стол. Эйлин слышала свой голос как чужую передачу — слишком ровную для того, что она говорила.

— Это может быть запись, — закончила она. — Она могла попасть в чужие руки. Я не предлагаю считать её подтверждением личности.

— Но ты считаешь.

— Я узнаю музыку. Это другое.

— Ты можешь продолжать работу?

Вопрос был справедливым. Она опустила взгляд на две увеличенные линии и попробовала заново проверить начало расчёта. Разница исходных дат. Собственное движение. Изменение положения измерительных точек. Ничего не расплывалось и не превращалось в отцовский голос.

— Могу. Пусть заключение подпишет Хади, когда проверит мою часть.

Руководитель согласился.

После его ухода Хади всё-таки доел остывший ужин. Он не стал ни сочувствовать, ни предлагать немедленно лететь к Немету. Когда Эйлин ошиблась в обозначении одного прибора, спокойно вернул ей строку. Это помогло больше, чем мог бы помочь вопрос о её чувствах.

В двадцать один час разборщик открыл ещё один раздел.

Там были имена.

Не императорские обращения и не требования к службе движения. Шестьдесят три личных сообщения с пометками о поиске получателей. В одних стояли только фамилии, в других — старые номера поселений. Один отправитель искал человека, родившегося в 2248 году, и не знал, жив ли тот до сих пор. Другой просил связаться с любым из трёх детей.

Эйлин нашла свою строку четвёртой.

«Эйлин Сенн, дочь Авы Сенн. Последнее известное место — Ориба, внутренняя дуга, сектор шесть».

Сектор шесть разобрали, когда Нери было десять. На его месте давно находились очистные установки.

Она нажала на строку.

Появился простой текст, без изображения и подписи, выполненной от руки.

«Я не знаю, кому принадлежит этот адрес сейчас. Если он всё ещё твой, сообщи, можно ли тебе написать. Каэл».

Эйлин прочитала сообщение дважды. Отец не называл её маленькой, не просил прощения, не обещал объяснить всё при встрече. В сообщении не было ничего, что облегчило бы выбор.

Хади поднялся.

— Я проверю вторую антенну. Минут десять.

Он вышел, хотя состояние второй антенны можно было увидеть с его рабочего места.

Эйлин подвинула к себе поле ответа. В нём уже стояли правильный обратный маршрут, текущая дата, допустимый размер сообщения. Станция знала, как отправить письмо через чужие ворота. Она не знала, что в нём написать.

Первое слово получилось «Мама».

Эйлин стёрла его. Известие о смерти Авы могло уйти тому, кто взял запись мелодии из старого семейного архива. Можно было спросить о комнате, которую они снимали до Орибы, о сломанной ручке, о том, где отец прятал деньги на инструмент. Но любой ответ всё равно потребовал бы чего-то большего, чем ещё одна подробность прошлого.

Она набрала:

«Адрес устарел. Я живу на Орибе. Написать можно».

Затем подписала сообщение полным именем и отправила.

До чужого кольца оно должно было идти шесть минут. Сколько понадобится тому, кто прочтёт его дальше, она пока не знала.

Эйлин ослабила ремень кресла. Встала. Из окна был виден жилой обод — ряд маленьких прямоугольников света, изгибающийся по тёмной дуге. В одном из них Нери, наверное, закончила макет, который собиралась показать ей за ужином.

На личном терминале лежали два пропущенных вызова.

Эйлин позвонила дочери.

— Ты ещё на станции? — спросила Нери.

— Да.

— Я разогреть не буду. Всё равно опять остынет.

— Подожди. Я сейчас поеду.

— Что-то случилось?

Эйлин посмотрела на поле, где оставалась отметка «Отправлено».

— Кажется, мне написал твой дед.

Дочь ничего не ответила. Через несколько секунд с той стороны раздался тихий стук: Нери поставила что-то на стол.

— Приезжай, — сказала она. — Я тебя встречу у подъёмника.

Глава 2. Вещи, которые остались

Нери встретила её у подъёмника в рабочем фартуке. На груди осталась узкая полоса белой пыли, а к рукаву прилип кусок тонкой древесной плёнки.

— Ты опять резала макет дома? — спросила Эйлин.

— В мастерской занято.

Они прошли мимо пустой стойки проката и спустились на жилой уровень. Пол едва заметно уходил вверх за поворотом. За годы на Орибе Эйлин привыкла к её кривизне, но после долгих рейсов всё равно несколько дней замечала её снова.

Нери не задавала вопросов. Лишь однажды взяла мать под руку — возле двери, которая открывалась слишком медленно. Эйлин остановилась, хотя в другое время просто обошла бы её через соседний проход.

В квартире пахло пряной чечевицей и нагретым клеем. Макет занимал почти весь стол. Маленькие помещения соединялись разными по ширине переходами; одно крыло Нери разобрала и теперь собирала заново.

— Поставлю сюда? — Эйлин подняла со свободного стула коробку с образцами.

— Только не переворачивай. Там люди.

В коробке лежали крошечные фигурки, вырезанные из серой плёнки. Нери использовала их, чтобы проверять, сможет ли человек развернуть кресло в дверях и сколько места останется между столами. Эйлин осторожно поставила коробку на полку.

Дочь принесла две тарелки.

— Покажешь?

Эйлин открыла сообщение Каэла. Нери прочитала его, затем послушала мелодию.

— Это он играл тебе?

— Да.

— Я её не помню.

Эйлин тоже не помнила, пела ли когда-нибудь эту песенку дочери. Возможно, нет. В её доме хватало музыки, которую не нужно было объяснять.

Нери вернула терминал.

— Голоса нет. Лица нет. Кто угодно мог написать.

— Мог.

— Но ты уже ответила.

— Я сообщила, что жива.

— Эту часть он мог проверить сам. Ты не прячешься.

Эйлин взяла ложку, но есть не стала. Фраза неприятно задела её именно потому, что была верной. Её имя стояло в открытом реестре навигаторов. Там были место работы, годы дальних рейсов и даже старый снимок, который она собиралась заменить с прошлой весны.

— Пока неизвестно, какие данные им доступны, — сказала она.

Нери села напротив.

— Я не пытаюсь доказать, что это обман. Просто не хочу, чтобы завтра ты опять перестала спать.

В шестнадцать лет Эйлин действительно плохо спала почти полгода. Тогда торговый корабль принёс обломок старого передатчика с направлением Немета в маршрутной памяти. Кто-то предположил, что за ним идёт судно с пассажирами. Оказалось, передатчик не побывал возле Немета ни разу: координаты оставались в нём как часть первоначального задания. Эйлин уже успела написать семь писем, два из которых отправила не тем людям. Нери знала эту историю от бабушки.

— Мне уже не шестнадцать.

— Вот поэтому я и говорю спокойно.

Эйлин посмотрела на дочь и впервые за вечер улыбнулась.

Они поели. Нери рассказывала о макете: заказчик хотел общий зал, из которого было бы видно все входы, а жители попросили хотя бы одно место, где никто не заметит, что ты пришёл один. Пока она не знала, как исполнить обе просьбы.

Эйлин слушала внимательно. Ей нравилась эта работа дочери — попытка устроить пространство так, чтобы человек мог делать в нём что-то, кроме предусмотренного проектировщиком. На станции подобное обычно называли нарушением режима. Дома оно было частью жизни.

Первый ответ от Каэла пришёл, когда они убрали посуду.

Сообщение состояло из двух частей. В общей находились сведения о перевозчике и правилах подхода к кольцу. Личная была совсем короткой.

«Спасибо. Я не знал, захочешь ли ты отвечать. Здесь приготовлено место для людей с вашим ходом времени. Мне понадобится помощь, чтобы разговаривать с тобой без больших промежутков. Как Ава?»

Эйлин села обратно.

Нери прочитала сообщение через её плечо.

— Я могу написать, — сказала она.

— Нет. Я сама.

На этот раз Эйлин не стирала первую фразу. Она сообщила, когда умерла мать, и добавила несколько строк о последних годах. Ава работала до конца; спорила с соседями, выращивала в тесном световом шкафу растения, которым явно требовалось больше места, и так и не научилась правильно пользоваться новой плитой. Эйлин не стала писать, что мать простила Каэла. Она не знала, было ли это правдой.

Последнее письмо обычным световым каналом они отправили, когда Эйлин было двадцать. Ответа не пришло и через восемь лет. О смерти Авы ему уже никто не написал.

К нынешнему ответу Эйлин приложила фотографию. На ней Ава смеялась, отвернувшись от праздничного стола. Из всех снимков Эйлин выбрала тот, где никто не смотрел в объектив.

— Если это не он, я отдала чужому человеку фотографию мамы, — сказала она после отправки.

— Если это не он, он теперь знает, что у тебя есть мама, которую ты любишь. Ничего другого ему это не даёт.

Нери положила ладонь ей на плечо. Ладонь была тёплой, с шероховатыми следами клея возле ногтей.

Ночью Эйлин спала урывками. Около трёх проснулась и стала искать свисток, хотя прекрасно знала, что он остался в старой квартире и исчез во время одного из переездов. Нашла вместо него шнурок, неисправный кухонный датчик и упаковку креплений, которые никто уже не мог опознать. Села на пол возле раскрытого ящика.

Ей хотелось иметь хоть одну вещь, которая знала бы, что случилось. Деревянный свисток знал бы не больше датчика, но его можно было держать в руке.

Утром пришёл вызов в диспетчерское управление.

До полудня Эйлин успела побывать на станции и передать смену. Хади проверил её расчёты и подписал заключение. Разведчики получили новое задание; первый уже вышел с начала. По-прежнему не было подтверждения ни звёздного двигателя, ни личности отправителя. Зато снимки перевозчика показывали кольцо точно там, где его обещало описание. Кольцо имело отверстие диаметром чуть меньше двухсот метров. Это было достаточно для исследовательского корабля и слишком мало для главных военных транспортов.

— Они выбирали размер под то, что хотят пропустить, — заметил Хади.

— Или под то, что сумели довести.

— Спроси.

Он говорил серьёзно. Эйлин записала вопрос.

В управлении её ждали трое. Представитель Арада Сорен Вальт оказался человеком лет шестидесяти с очень светлыми ресницами. Он сидел у окна, а не во главе стола, и не носил наград. Рядом с ним расположилась Оша Мен, врач программы дальних рейсов. Капитан «Авенира» Дейр Анса стоял, прислонившись плечом к стене. На его куртке была свежая заплатка возле кармана, выполненная заметно хуже фабричного шва.

Эйлин знала Ансу по одному совместному рейсу. Тогда он три дня не позволял ей провести корабль через сокращённый подход, потому что не хватало второго независимого замера. Когда замер появился, разрешил пройти без единого замечания о своей правоте. Это было хорошее воспоминание.

— Нам нужен навигатор, — сказал Вальт.

— У вас их много.

— Нам нужен навигатор, с которым отправитель согласен говорить.

Анса оторвался от стены.

— Мне нужен человек, который проверит маршрут. Говорить с родственниками на борту не запрещено, но это не должность.

Вальт посмотрел на него без раздражения.

— Справедливо. Я начал не с того.

Он вывел на стол схему прибытия. У кольца уже появилось рабочее обозначение: «Приход». Кто-то из дежурной смены придумал его за ночь, и название быстро перешло из служебной переписки в новости. На схеме вокруг «Прихода» стояли три цветных знака.

Арад, Мерион, Турант.

Все три державы имели долю в путях Эдры. Все три получили передачу. Ни одна не собиралась довольствоваться рассказом двух остальных о том, что находится с другой стороны.

— Экспедиции отдельные? — спросила Эйлин.

— Суда отдельные. Порядок прохода общий. Насколько нам удалось его согласовать.

— Военные суда?

— Исследовательские. С охраной.

Анса чуть изменил положение плеч, но ничего не сказал.

Вальт увеличил изображение Немета. Возле маленькой звезды возникла стрелка, достаточно большая, чтобы у любого зрителя появилось ощущение быстрого движения.

Эйлин убрала стрелку.

— Так не надо.

— Что именно?

— Показывать её как летящий снаряд. Даже если переданное ускорение верно, за наши жизни она не дойдёт до Амбры. Вы видели масштаб?

— Видел. Дело не в том, когда она дойдёт.

Вальт вернул изображение, на этот раз без стрелки.

— Если кто-то способен долго прилагать силу к звезде, он способен распорядиться этой силой иначе. Мне нужно понять, что именно прибыло к нашей сети вместе с новым кольцом. Одного обещания мирных намерений недостаточно.

Эйлин не могла возразить против последней фразы. Ей самой обещания было мало.

— Тогда надо сначала увидеть устройство. И людей.

— Для этого мы и отправляем вас.

— Я пока не согласилась.

— Знаю.

Вальт отодвинул к ней приглашение. Оно не содержало требования установить военную принадлежность Каэла или получить от него доступ к управлению. Зато позволяло командованию ограничивать передачу технических материалов, собранных в рейсе.

— Семейные письма? — спросила Эйлин.

— Мы не собираемся читать ваши семейные письма.

— А если в них есть технические сведения?

Он помолчал.

— Тогда возникнет спор.

Такой ответ ей понравился больше немедленного заверения, что спора не будет.

Оша Мен, до сих пор слушавшая молча, положила на стол маленькую пластину со списком медицинских допусков.

— Есть ещё вопрос, который пока обсуждают слишком мало. Отправители пишут о другом ходе времени. Это может означать местный распорядок, способ обработки сообщений, скорость вычислительной среды. Мы не знаем. На борту никто не будет менять твой носитель или работу нервной системы только потому, что это облегчает переговоры.

— Ты предполагаешь, что понадобится?

— Я предполагаю, что предложат. Нужно, чтобы ты услышала условия от меня раньше, чем от человека, которого хочешь вернуть.

Эйлин посмотрела на неё.

Оша не отвела глаз, но и не стала смягчать сказанное улыбкой.

— Я не знаю, хочу ли его вернуть, — ответила Эйлин. — Я ещё не знаю, кого именно.

Вальт оставил их через десять минут. У него начиналось совещание с двумя другими экспедициями. Анса занял освободившееся кресло и наконец спросил то, чего Эйлин ждала с начала разговора:

— Сумеешь отказать отцу, если его маршрут будет плохим?

— Сумею назвать его плохим.

— Мне этого мало.

— Если ты выберешь другой, я поведу по другому.

— А если он скажет, что тогда вы не встретитесь?

Эйлин медленно выдохнула. За окном над жилой дугой двигался ремонтный вагон. Люди внутри управления проходили мимо двери, готовясь к дальней экспедиции как к работе, которую следовало начать вовремя.

— Я могу захотеть остаться. Но не имею права тащить за собой твой корабль.

Анса кивнул.

— Четверо суток до кольца. Если разведчики увидят то, что нам обещали. Потом неизвестный срок. Я запрошу запасы на полгода.

— Ты так говоришь, будто я уже согласилась.

— Я говорю, что тебе нужно знать перед согласием.

Она приняла предложение к вечеру.

Нери встретила новость без удивления. Её макет стоял на столе, но разобранный крыло исчезло: дочь нашла другое решение и теперь проверяла его с серыми фигурками.

— На полгода? — спросила она.

— Запасы на полгода. Возможно, вернёмся раньше.

— Это разные вещи, я поняла.

Эйлин поставила дорожную сумку возле кресла. В ней лежали рабочая одежда, запасные стельки, книга, которую она трижды брала в рейс и ни разу не дочитала. Вещей оказалось мало. Она неожиданно почувствовала, как это должно выглядеть со стороны: мать за день собрала жизнь в небольшую сумку, потому что кто-то прислал мелодию.

— Нери...

— Не обещай, что всё останется как было.

Дочь сказала это без нажима. Продолжала двигать фигурку по узкому переходу макета.

— Я не собиралась.

— Собиралась. Ты всегда начинаешь с моего имени, когда хочешь сказать, что ничего не изменится.

Эйлин села рядом.

Некоторое время они молча смотрели, как серый человек застревает между дверью и выступом стены. Нери сняла часть перегородки. Теперь пройти можно было, но исчезало укрытое место, которого хотели жители.

— Дай сюда, — попросила Эйлин.

Она подвинула вход на ширину большого пальца. Нери попробовала снова. Человек прошёл. Вид из общего зала перестал захватывать весь маленький угол за стеной.

— Так конструкция дороже, — сказала дочь.

— Немного.

— Ты не знаешь, сколько стоят эти стыки.

— Не знаю.

Нери оставила вход на новом месте.

— Пиши о том, что у тебя происходит, — сказала она. — Не только что всё хорошо и ты поела.

— Хорошо.

— И если тебе понравится там, тоже напиши. Я не хочу узнавать последней.

Перед выходом Эйлин получила ещё одно сообщение. Каэл благодарил за фотографию Авы. Всего одна строка и просьба прислать, если есть, запись её голоса. Никаких объяснений, почему ответ занял столько времени.

Эйлин не стала искать запись немедленно. Она обняла Нери, забрала сумку и только у подъёмника открыла новое письмо.

«Я согласилась лететь. Со мной будут люди, которые хотят увидеть ваш дом. Я пока знаю о нём меньше, чем они думают».

Она остановилась, потом дописала:

«У меня есть дочь. Её зовут Нери. Ей двадцать три».

Подъёмник пришёл пустым. Пока Эйлин поднималась к причалу, сообщение уже уходило через наружные антенны. На этот раз ей было легче ждать ответа.

Глава 3. Прибывшие врата

На вторые сутки полёта Эйлин поняла, что ждёт от нового письма больше, чем от прибытия.

Каэл отвечал редко. Он прислал сведения о старой экспедиции, несколько снимков аварийного конца врат и имена людей, которых она помнила по разговорам родителей. Ни одна подробность не была такой, чтобы её невозможно было украсть. Вместе они всё же складывались во что-то, от чего становилось трудно отворачиваться.

На сообщение о Нери он ответил вопросом: любит ли она музыку.

Эйлин долго смотрела на эту строку. Потом написала, что дочь проектирует дома. Музыку любит, но сама почти не играет. Сейчас пытается сделать общий зал, где человеку было бы необязательно разговаривать со всеми, кто его видит.

Ответ пришёл через три часа:

«Это хорошая работа».

Не «передай ей привет от деда». Не просьба о фотографии. Эйлин не могла решить, чего в такой сдержанности больше: бережности, чуждости или страха сказать не то.

На «Авенире» у неё была узкая каюта возле навигационного поста. Там помещались спальное место, сетка для вещей и откидной стол. На стене сохранился прямоугольник чуть более светлой краски: предыдущий обитатель долго держал в этом месте изображение, которое забрал с собой. Эйлин прикрепила там снимок макета Нери. Он выглядел странно — маленький дом без крыши, предназначенный для людей, которых нельзя было разглядеть.

Во время разгона палуба давила на ступни слабее, чем пол Орибы. Посередине пути тягу отключили, корабль развернулся и снова включил двигатели, теперь для торможения. Тяжесть вернулась в прежнем направлении, прижимая к той же палубе. Эйлин знала этот переход, но всё равно плохо спала первую ночь после него.

До врат шли почти четверо суток. Трасса была пустой; главная работа навигатора заключалась в том, чтобы вовремя подтвердить отсутствие новых препятствий. По обе стороны от «Авенира» двигались исследовательские суда Мериона и Туранта. Они не держались рядом ради красивого строя. Расстояния позволяли каждому менять ход, не мешая соседям.

На третий день Анса собрал всех, кому предстояло работать с неизвестной средой. В общей комнате оказалось одиннадцать человек и Ирей, обозначивший своё присутствие маленьким кругом света на свободном месте стола.

— Первые независимые измерения приняты, — сказал капитан. — Оба разведчика исправны. Один прошёл. Другой остался возле «Прихода».

Он показал две записи. На первой разведчик подходил к кольцу со стороны Эдры. На второй уже видел маленькую тёплую звезду и редкую сеть конструкций возле неё. Пространство между двумя изображениями не состояло из коридора, в котором аппарат летел быстрее света. В одном месте его луч ещё возвращался к местному прибору, в другом — уже к дальнему. Врата делали именно то, для чего их строили, и это было единственное привычное во всём сообщении.

— Положение звезды согласуется с их данными, — продолжил Анса. — Причину отклонения мы ещё не подтвердили.

Хади прислал свою часть заключения без лишних слов. Он отдельно указал, что измерительный интервал слишком короток, чтобы по нему одному вычислить многолетнее ускорение. Снимки доказывали существование конструкций; расчёт двигателя по-прежнему оставался гипотезой, которую следовало проверить на месте.

Вальт, находившийся на борту как руководитель миссии Арада, попросил увеличить тёмную область над звездой.

Ирей изменил масштаб.

То, что издаലെка выглядело редкой сетью, распалось на множество отдельных элементов. Они не образовывали сплошной оболочки. Между ними оставались огромные свободные участки. Некоторые отражали свет почти прямо в разведчика; другие были видны только по тому, как закрывали фон. Через несколько минут изображение изменилось. Один из длинных блестящих рядов медленно повернулся.

— Какого размера? — спросила Оша.

Ирей добавил масштаб. В общей комнате стало тихо.

На Орибе Эйлин привыкла видеть сооружения, в которых человек терялся. Здесь масштаб не помогал представить работу. Цифра была понятной, изображение — тоже, а соединить их в воображении пока не удавалось.

— Сколько лет это строили? — спросил техник с другого конца стола.

— Вопрос отправлен, — ответил Ирей. — Ответа нет.

— Они вообще понимают, что мы спрашиваем?

— Судя по другим ответам, да. Отсутствие ответа не позволяет определить причину.

Капитан попросил Ирея вывести приглашение к подходу. Оно содержало свободные траектории, запрет на направленное облучение жилых участков и просьбу заранее сообщить число прибывающих личностей. Не тел и не пассажирских мест — личностей.

Вальт провёл пальцем под последним словом.

— Ирей, тебя считать одним?

— Сейчас — да. Я не создавал независимых ветвей для этой экспедиции.

— А если понадобится?

— Тогда сообщу. Это изменение моего состава, а не количества вашего оборудования.

Вальт принял поправку коротким движением головы. Эйлин заметила, что Оша перестала делать записи и несколько секунд смотрела на светлый круг.

После совещания она задержалась возле навигационного поста.

— Можно? — спросила врач.

Эйлин убрала с соседнего кресла планшет.

— Ты ведь и так видишь показатели моего сна.

— Сон сейчас не худшая часть твоего состояния. Ты хотя бы не притворяешься, что спишь нормально.

Оша села, осторожно подогнув длинные ноги под столом.

— Он прислал изображение себя?

— Нет.

— Ты попросила?

— Нет.

— Почему?

Эйлин посмотрела на маленький светлый прямоугольник в углу экрана: окно семейной переписки было закрыто, но индикатор новых сообщений оставался виден.

— Я боюсь обрадоваться лицу, которое он выбрал специально для меня.

Оша не стала сразу отвечать.

— Ты можешь попросить его не делать этого.

— Тогда я увижу что-то другое. И испугаюсь этого.

— Возможно.

От врача хотелось услышать, что всё пройдёт легче. Оша не дала ей такой возможности.

— У меня нет способа подготовить тебя к любому виду его тела, — сказала она. — Есть только возможность не торопиться. И не соглашаться на ответ, который кажется удобным нам обоим.

После её ухода Эйлин открыла переписку и написала Каэлу:

«Я не прошу тебя выглядеть так, как раньше. Только предупреди, если тебя будет трудно узнать».

Она отправила сообщение, прежде чем успела заменить последние слова.

Кольцо показалось на главном экране тринадцатого сентября. По корабельным часам был день: за окнами не менялось ничего, кроме плотности звёзд. «Приход» висел внутри транспортной рамы, слишком крупной для собственного груза. Тормозные блоки отстегнулись и медленно уходили в разные стороны. На месте одного из них был виден длинный выжженный участок.

— Повреждение? — спросил Анса.

— Указано в сообщении, — ответила Эйлин. — Последний этап торможения. Они потеряли часть теплоотвода. Траектория в пределах допуска.

Из кольца вышел разведчик экспедиции — тот, который раньше прошёл к Немету. Он привёз не только записи, но и собственные часы, прошедшие через оба конца. Хади хотел иметь возможность сопоставить время физически возвращённого прибора с двумя дистанционными каналами. Эйлин поняла, что именно этой маленькой осторожности ей не хватало для спокойного входа.

Она проверила расхождение. Всё укладывалось в оговорённую погрешность. После сверки аппарат отправили обратно к Немету. Он первым освободил проход и занял место возле дальнего кольца.

— Переход допустим, — сказала она.

Анса выслушал подтверждения остальных постов. дождался, пока второе судно уступит им линию подхода. Затем разрешил Ирею начать манёвр.

Вальт закрепился у свободного экрана, не пытаясь занять место капитана. Его ладонь лежала на подлокотнике; пальцы были неподвижны. Эйлин вдруг подумала, что и для него происходящее не помещается в служебное поручение. Он прожил достаточно долго, чтобы помнить, когда имя Немета перестало появляться в новостях.

Вблизи кольцо оказалось несимметричным. Часть наружной обшивки различалась по цвету, и два узла крепления не совпадали с присланным изображением. Эйлин показала их капитану.

— Отмечены как изменения в пути, — сказал Ирей. — Получены вместе с последним обновлением. Передать сравнение?

— Передай.

Сравнение заняло несколько секунд. Эйлин ещё раз проверила просвет. Обшивка не выступала на траекторию, а смещённые крепления относились к уже сброшенному тормозному блоку. Она сняла замечание.

Врата не светились. Между их краями было другое небо.

Звёзды за отверстием немного сдвинулись, словно кто-то неудачно совместил две фотографии. Эйлин знала, что глаз обманывается: расстояния между светящимися точками были правильными для другого места. Всё равно хотелось наклонить голову и заставить края совпасть.

Потом кольцо ушло за границу экрана.

Ничего не ударило в корпус. Свет в навигационном отсеке не мигнул. Только Ирей спокойно назвал новую привязку, а на боковом экране появилось подтверждение от разведчика, оставленного возле дальнего конца.

Они были у Немета.

Настоящая звезда, видимая сквозь фильтр смотрового окна, оказалась меньше той, что занимала стену во время совещания. Тёплая точка с крошечным различимым диском. Всё огромное находилось далеко: для осмотра конструкций требовались увеличение, поправки на собственное движение и свет, ушедший от них несколько минут назад.

Эйлин переключила один экран на прямое изображение без дорисовки. Почти ничего не было видно.

Это успокаивало. Мир не обязан был показывать себя целиком с первого взгляда.

Корабль принял маяки подхода. Возле врат работала небольшая станция, которой не было в старом каталоге. Она состояла из двух округлых жилых объёмов и длинного тонкого радиатора между ними. К ней уже направлялся аппарат с Немета — не от самой поверхности звезды, а от одной из ближних обитаемых конструкций.

— Входящий разговор, — сообщил Ирей. — Представитель принимающей стороны. Запрашивает общий канал, без передачи управления.

Анса разрешил.

Вместо лица появились три светлые овальные фигуры. Они то сходились, то расходились на тёмном фоне, не складываясь ни в герб, ни в человеческую голову.

— Меня зовут Суэль, — сказал женский голос. — Я сопровождаю ваш подход. На борту по-прежнему двадцать восемь биологических участников и один корабельный разум?

— Да, — ответил Анса. — Изменений нет.

— Спасибо. Для разговора я использую скорость шестьдесят четыре. Вы слышите речь через промежуточный переводчик. Если вам нужно время на ответ, сообщайте об этом, пожалуйста.

Вальт наклонился к экрану.

— Ты получаешь то, что мы говорим, быстрее записи?

— Нет. Запись приходит с вашей скоростью. Я могу заниматься другим, пока вы производите фразу. Если нужно общее присутствие, я снижаю темп.

— Тогда снизь.

Овалы остановились.

Эйлин почувствовала неловкость за приказ, хотя он не был грубым. Вальт явно считал, что попросил убрать мешающее преобразование сигнала.

— Сейчас я не могу сопровождать ваш подход на единичной скорости, — ответила Суэль. — Меня одновременно слушают несколько служб. После швартовки мы назначим отдельный разговор. Или я передам вас другому сопровождающему.

Анса вмешался раньше, чем представитель Арада успел возразить:

— Продолжай сопровождение. Разговор не должен мешать твоей работе.

Овалы снова пришли в движение.

Суэль дала координаты свободного причала. Они совпали с пакетом, полученным до перехода, за исключением небольшого изменения скорости станции. Эйлин проверила его по собственным наблюдениям. Станция действительно уходила чуть быстрее прежнего расчёта. Поправка была понятной и не вела их ближе к неизвестным конструкциям.

— Второе судно выйдет через девять минут, — сказала она. — Нам нужно оставить коридор.

— Для него назначен другой причал. Я отправила схему вашему разуму.

— Получил, — подтвердил Ирей.

Их обмен занял меньше времени, чем понадобилось бы человеку, чтобы открыть сообщение. Эйлин всё же просмотрела схему. Это было частью её работы, а не выражением недоверия к Ирею.

Когда манёвр закончился и корабль перешёл к медленному сближению, Анса предложил провести первую встречу утром по корабельному времени.

— Через четырнадцать часов, — уточнил он. — Наш экипаж должен отдохнуть.

Суэль попросила передать длительность числом стандартных секунд. Ирей сделал это.

— Я согласую участников, — сказала она.

Вальт начал что-то спрашивать, но Эйлин подняла ладонь. На экране рядом с тремя овалами появилась строка: «Ожидание, связь сохранена».

Молчание длилось полторы минуты.

Потом Суэль вернулась.

— Встреча возможна. Будет присутствовать отдельная медленная группа. Остальные передадут ей полномочия на обозначенные вопросы.

— Настолько сложно собрать людей на завтра? — спросил Вальт.

— Для некоторых из них до вашего утра пройдет несколько лет.

На мостике никто не произнёс ни слова.

— Ты сказала: скорость шестьдесят четыре, — напомнила Эйлин.

— Это моя скорость сейчас. Она не общая для всех.

На личном экране Эйлин возникло маленькое сообщение от Ирея. Он сделал расчёт: при режиме четыре тысячи девяносто шесть четырнадцать внешних часов занимают больше шести с половиной личных лет.

Эйлин убрала сообщение. Она сама могла умножить, но результат не стал бы от этого привычнее.

— Когда мы молчим, вы не останавливаетесь, — сказала она.

— Иногда останавливаемся. Иногда ждём. Иногда успеваем что-то сделать. Вы ведь тоже не всегда сидите возле приёмника до прихода ответа.

В голосе Суэль не было насмешки.

Эйлин подумала о своём письме, которое Каэл читал неизвестно сколько его времени назад. О том, как сказала Нери «вернёмся раньше», оставив самой себе место для надежды. О светлом следе на стене каюты, где чужая картинка провисела достаточно долго, чтобы изменить краску.

Суэль передала сопровождение местной службе и попросила капитана разрешить личный канал с навигатором.

Анса посмотрел на Эйлин. Она кивнула.

На её экране остался один овал.

— Каэл получил твоё последнее письмо. Он попросил предупредить: нынешнее тело будет непохоже на прежнее. Часть изменений ему нужна для работы, часть он давно выбирал для себя. Для встречи он не станет менять лицо на старое.

Эйлин вспомнила, как писала просьбу. Теперь хотелось забрать её обратно, но она не стала.

— Хорошо.

— Он прибудет к медленной станции до вашего утра. Это будет он сам, не подготовленный собеседник и не отдельная ветвь. Ты сможешь задать вопросы о непрерывности его жизни.

— Спасибо.

Суэль не отключалась. Эйлин ждала.

— Можно спросить не от его имени? — сказала она наконец.

— Можно.

— Ты знаешь, каким он был до отъезда?

— Я была ребёнком. Что-то помню.

Светлый овал чуть повернулся.

— Если захочешь, расскажи мне. Он почти не говорит об этом времени.

Эйлин посмотрела на него внимательнее. За голосом, который она до сих пор воспринимала как часть приёмной службы, вдруг обнаружился человек с собственным вопросом к её отцу.

— А ты знаешь, каким он стал? — спросила она.

— Что-то знаю.

Они помолчали — недолго по часам корабля.
— Тогда расскажем друг другу, — сказала Эйлин.

Глава 4. Тень на солнце

На наружной стене станции росла трава.

Эйлин увидела её ещё из шлюза: узкая зелёная полоса тянулась за стеклом, обогнула стык обшивки и пропала под опорой радиатора. На увеличенном изображении различались плоские листья. Некоторые потемнели по краям. Крошечная машина двигалась между ними, останавливалась и осторожно отрезала сухое.

— Это не украшение, — сказала Суэль. — Здесь проверяют почвенные сообщества перед отправкой в медленные поселения.

Её голос шёл из поясного передатчика Оши. Сама Суэль оставалась в местной вычислительной среде: аппарат, сопровождавший их снаружи, был только её органом зрения. Он выглядел как короткая переключательная с четырьмя шарнирами и держался за поручень двумя захватами.

— У вас есть настоящая почва? — спросил техник Фарес.

— Та, которую вы сейчас видите, — да. Вопрос о настоящем обычно приходится уточнять.

Фарес улыбнулся, но Эйлин не услышала в ответе шутки. Она уже заметила, сколько обычных слов здесь означают сразу несколько вещей.

До встречи оставалось два часа. Анса разрешил осмотреть внешнюю часть станции, пока Вальт согласовывал порядок переговоров. Эйлин ожидала, что их проведут к смотровому окну и покажут красивую проекцию. Вместо этого Оша выдала ей страховочный пояс.

В маленьком жилом барабане станции действовало слабое тяготение. На центральной ферме, к которой пристыковался «Авенир», его не было. Эйлин оттолкнулась слишком сильно и остановилась, ухватившись за жёлтую скобу. Та оказалась мягкой: поверхность продавилась под ладонью и медленно восстановилась.

— Здесь поручни меняют форму под разные руки, — объяснила Суэль. — Если захват неудобен, скажите.

Оша вытянула длинные пальцы и обхватила соседнюю скобу. Та сузилась. Врач посмотрела на неё с таким вниманием, с каким другие рассматривали бы неизвестное животное.

За прозрачной галереей начиналась открытая ферма. Их скафандры были рассчитаны на собственную атмосферу, и Суэль не попросила довериться местным уплотнениям. Фарес проверил шлюз своим прибором. Только после этого они вышли.

Немет оказался сбоку, за левым плечом. Защитный фильтр сделал его медным. На окружающей черноте не было видно обещанных громадных сооружений. Эйлин включила наложение карты, и в пустоте возникли тонкие дуги.

— Убери всё, что не подтверждено нашими наблюдениями, — попросила она Ирея.

Большинство дуг исчезло.

Остались станция, несколько ближайших аппаратов, жилой пояс на соседней орбите и разрозненные участки огромной системы ближе к звезде. Вчера это различие показалось бы ей поводом для недоверия. Сейчас она просто хотела понять, сколько именно видит.

— Так мало, — сказала Оша.

— Мы здесь меньше суток. Некоторые детали вообще нельзя различить с этой точки.

Эйлин провела линию от звезды до длинного тёмного участка. На присланной схеме он обозначался как сборщик вещества. Но видимый отрезок мог оказаться чем угодно: обшивкой, тенью, несколькими несвязанными предметами.

— Мне нужны две дополнительные позиции наблюдения.

— Для ваших аппаратов уже выделены маршруты, — ответила Суэль. — Дальше внутреннего пояса придётся запрашивать владельцев. Я не могу дать вам разрешение за них.

— Кто владелец двигателя?

Аппарат Суэль повернул поперечную головку. Движение было полезным для камер, но Эйлин невольно прочла в нём человеческое недоумение.

— Какой части?

Схема вернулась, на этот раз в нескольких цветах. На ней оказалось одиннадцать областей. Некоторые соприкасались, другие перекрывались по орбитам, но находились на разной высоте. Между двумя зиял широкий незанятый сектор.

— Собирающие установки, разгонные каналы, теплоотвод, жилые среды и навигационная служба принадлежат разным сообществам, — сказала Суэль. — Есть общие обязательства. Единого владельца нет.

— А тот, кто решает, куда двигать звезду?

— Направление принято на долгий срок. Для изменения нужны новые соглашения и перестройка части установок. Мы не голосуем об этом каждое утро.

Фарес прикрепил прибор к ферме. Эйлин видела, как дрожит на ветру — которого не было — узкая лента его страховки. Он только что отпустил её, и движение ещё не успело затухнуть.

— Звезда сейчас идёт к нам? — спросил он.

— К области путей, которую вы называете Амброй. При нынешнем режиме сближение займёт многие тысячелетия.

— Тогда зачем империям так торопиться?

Никто не ответил. Фарес посмотрел на Эйлин, будто именно у навигатора должен был найтись способ измерить это расстояние.

Она поймала поручень и подтянулась к следующему узлу. Под ногами проплыла белая поверхность с рядами тёмных прямоугольников. На одном мигала жёлтая полоса.

— Здесь живут? — спросила она.

— В трёх блоках. Четвёртый сейчас ремонтируют.

— Нам сказали, станция рассчитана на сорок посетителей.

— В жилом барабане — да. Это другая среда.

Эйлин присмотрелась. Она ожидала окон, даже понимая, что окон быть не должно. Прямоугольники были сервисными панелями. За ними находились теплообменники, соединения, защищённые вычислители. Изнутри этого гладкого белого ящика кто-то смотрел на их движение по ферме.

В местном канале раздался короткий звук.

— Можно вас попросить отойти от третьей панели? — сказал незнакомый голос. — Вы закрыли измерительную метку.

Эйлин оттолкнулась вбок.

— Извини. Так лучше?

— Да. Спасибо.

Голос исчез. Она ещё несколько секунд смотрела на панель.

— Я ждала, что он назовётся, — призналась она Оше.

— Ты ведь тоже не представляешься каждому, кто встал у тебя перед дверью.

Оша сказала это без наставительности. Она сама глядела на белый блок, словно старалась поместить в него представление о доме.

Они дошли до края фермы. Оттуда был виден чужой корабль, вытянутый и тёмный, с двумя разнесёнными двигательными группами. Он стоял на соседнем причале. Вдоль борта медленно перемещались три малых аппарата.

— «Силь», экспедиция Мериона, — пояснил Ирей.

Один аппарат развернулся и направил оптику на белые блоки станции. Эйлин увидела запрос в общем навигационном канале. Мерионский корабль просил присвоить шести отдельным модулям временные номера необслуживаемого оборудования.

Суэль остановилась.

— Они не необслуживаемые, — сказала она.

Эйлин посмотрела на обозначенные предметы. Шесть вытянутых контейнеров находились дальше, за жилым барабаном, на отдельной раме. От них шли широкие тёмные полотнища радиаторов.

— Там тоже люди?

— Триста двенадцать жителей. Скорость — от единицы до восьми. Они прибыли для первого прохода к Эдре.

На канале появился ответ с «Силя»: биологических признаков экипажа не установлено; запрос касается только навигационного учёта имущества.

— Это предварительная классификация, — произнёс мужской голос. — Она не определяет окончательный статус.

— Тогда укажите неизвестный вам статус, — ответила Суэль. — Или известный нам: жилые модули.

— Представьте.

— Суэль, служба подхода. Вы использовали моё сопровождение двадцать семь минут назад.

Пауза длилась недолго, но Эйлин уже различала, как Суэль её заполняет: маленький аппарат одновременно отвернулся к метке, проверил положение Фареса и отправил поправку на соседний причал. Раздражение, если оно было, не отменяло работы.

— Запрос составлен по форме, — сказал мужчина.

— Форма допускает комментарий. Добавьте население.

Эйлин подключилась раньше, чем подумала, достаточно ли у неё полномочий.

— Навигатор «Авенира». Для общей схемы движения нам нужен населённый объект. Профиль допустимого ускорения у него другой.

— Вы измерили его?

— Пока нет. Поэтому не стану обращаться с ним как с пустым грузом.

Она ожидала спора. Вместо этого в карточке шести модулей появилась небольшая надпись: «Заявлены жители. Уточнение характеристик». Запрос на учёт не исчез.

Фарес молча снял свой прибор. Оша посмотрела на Эйлин, но ничего не сказала.

Суэль довела их до второго шлюза. Перед входом аппарат задержался и осторожно прикоснулся захватом к её рукаву.

— Спасибо за поправку о разгоне. Её приняли быстрее.

Эйлин почувствовала неприятное смущение. Она сказала удобную техническую правду. Суэль до неё говорила более важную, и её попросили представиться.

— Это не решило вопрос.

— Нет. Но теперь, чтобы вычеркнуть людей, придётся удалить отдельную строку. Кто-то увидит, что делает.

В шлюзе Эйлин вдруг стало жарко. Она убрала подачу тепла и следила, как на стекле медленно тает полоска запотевания. Модули уже скрылись за стеной. Их можно было забыть до следующего выхода, как забывают чужие окна, сворачивая на свою улицу.

Когда давление сравнялось, её ждал вызов Ансы.

— Вальт просит тебя не выступать от имени всей экспедиции.

— Я назвала свою должность.

— Я слышал запись. Замечание принято к сведению, запрета на навигационную работу нет. Но в следующий раз предупреди меня, прежде чем выяснять с военным кораблём, кого он считает человеком.

У капитана был усталый голос. Эйлин поняла, что он уже спорил за неё и теперь хочет только, чтобы его труд не оказался бесполезным.

— Хорошо.

— И ещё. Твой отец прибыл. Оша проводит тебя после первичной проверки перехода.

Эйлин стояла, прижавшись плечом к стене. На левом рукаве остался едва заметный след захвата Суэль.

Она почему-то начала стирать его ладонью.

— Сколько у меня времени?

— Столько, сколько нужно. Общую встречу я начну без тебя.

За прозрачным люком медленно поворачивалась тень внешнего радиатора. Она прошла по зелёной полосе и накрыла растение с обрезанным листом. Маленькая машина продолжала работу в темноте, подсвечивая себе двумя тусклыми лампами.

Эйлин сняла перчатки. Пальцы не дрожали. Это удивило её сильнее, чем если бы она не смогла расстегнуть пояс.

Глава 5. Человек, которого помнили

Оша остановилась у двери.

— Я буду в соседней комнате. Если понадобится, позови.

— Ты уже видела его?

— Да.

— И?

Врач поправила на плече ремень сумки.

— Он спросил, можно ли здесь открыть окно.

Эйлин невольно посмотрела на глухую стену.

— Зачем?

— Ему показалось, что тебе будет легче, если вы сможете смотреть не только друг на друга.

Эта забота раздражала. Она слишком хорошо узнавала в ней отца и не хотела узнавать его до встречи. Эйлин нажала на панель.

Каэл сидел за низким столом. Стул был ему мал. Колени поднимались почти до подбородка, а длинные ступни стояли по обе стороны ножки стола. Левая рука лежала ладонью вверх. От запястья до локтя кожа расходилась на две узкие поверхности; между ними виднелись серебристые волокна.

Лицо она узнала не сразу. Оно было длиннее прежнего, без бровей, с неподвижной тёмной полосой над глазами. Рот остался похожим. Или ей хотелось, чтобы хоть что-нибудь осталось.

Он поднялся, но Эйлин вытянула руку.

— Сиди.

Каэл послушался. И от этого стало ещё труднее: настоящий отец в её памяти не выполнял просьбы так осторожно, словно каждое движение могло разбить что-то хрупкое.

— Здравствуй, Эйлин.

Голос был почти прежним. В нём отсутствовала знакомая хрипота, и окончания слов звучали отчётливее.

— Ты выбрал этот голос?

— Частично. Речевой аппарат у тела другой. Я сохранил произношение, насколько умел.

— Для меня?

— Давно. Здесь есть люди, которые знают меня только так.

Она села напротив. Стол оказался слишком широким для разговора родных и слишком узким для встречи незнакомцев. На нём стоял сосуд с водой, рядом лежали две мягкие салфетки. Эйлин смотрела на них, пока отец убирал длинные ноги под стул.

— Тебе неудобно.

— Немного. Я привык работать без опоры под ступнями.

— Можешь сесть иначе.

Он отодвинул стул и устроился боком. В движении раскрылись полосы гибкой ткани на рёбрах. Это было тело для тесных пространств и слабого притяжения. Не страшное. Просто чужое.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

Каэл опустил взгляд на левую руку.

— По внешним часам — семьдесят семь. Прожитого времени около шести тысяч двухсот лет. Точное число зависит от того, как считать несколько ранних периодов. Тогда у нас не было общего непрерывного календаря.

Эйлин повторила про себя: шесть тысяч двести. Число ничего не сделало с комнатой. Не отодвинуло стол, не превратило сидящего перед ней человека в древность. Он по-прежнему неловко искал место для ног.

— И ты помнишь, как ушёл?

— Да. Не одинаково ясно всё.

— Что было на мне?

Отец не ответил сразу.

— Светлая куртка. Я помню застёжку, которую ты отказывалась закрывать.

— Куртка была жёлтой.

— Возможно.

— Не возможно. Жёлтой. Мама потом отдала её девочке с нижней палубы. Я ненавидела ту девочку несколько месяцев.

Каэл кивнул. Он не пытался объяснить цвет освещением или восстановить правильное воспоминание, подстроившись под её слова.

— Я помню, что ты держала меня за мизинец, — сказал он. — Ава торопила, потому что у посадочного перехода уже закрывали проход. Ты спросила, увижу ли я там животных. Я сказал, что обязательно пришлю изображение.

Эйлин не помнила животных. Она помнила огромную ладонь и тёмную щель между отцом и поручнем. Память не складывалась из совпадающих ответов.

— Мне дали твои записи, — сказала она. — Оша объяснила, что они могут подтвердить переходы между носителями. Но это записи. Их можно подделать.

— Можно.

— Ты не собираешься убеждать меня?

— Собираюсь. Только не семейным вопросом, ответ на который у меня мог храниться рядом с твоей фотографией.

Каэл коснулся стола. Возникла простая временная линия. Не вся его жизнь — несколько проверяемых участков. Исходный медицинский профиль, ранние изменения мозга, переходы в вычислительную среду, возвращения в тела. Для разных участков были указаны независимые хранители.

— Здесь есть люди, которые знали меня до первой полной смены носителя. Есть журналы корабля. Часть ключей подписи оставалась на Эдре после отъезда. Вы можете сопоставить их с тем, что сохранили дома. Это не решит за тебя, кто сидит перед тобой. Но сузит число вещей, которые пришлось бы подделать одновременно.

— Зачем всё это, если ты сам не можешь доказать?

— Чтобы ты могла решить без спешки. Я ведь тоже не могу доказать, что сорок лет назад остался тем же человеком после обычного сна. Мне приходится опираться на непрерывность, память и других людей. Здесь она лучше записана и гораздо сильнее изменила меня.

Эйлин провела пальцем вдоль линии. На ней были пустые промежутки, помеченные как неполные сведения. Они успокаивали больше, чем безупречная цепочка.

— Я не хочу несколько недель проверять, имею ли право на тебя сердиться.

Впервые его рот изменился сам, без заметного подбора выражения.

— Для этого проверка не нужна.

Она засмеялась, резко и неприятно, и тут же закрыла лицо рукой. Отец не потянулся к ней. Она была благодарна ему за это и одновременно злилась, что он опять умеет сделать правильно.

Через минуту Эйлин убрала ладонь.

— Почему ты не вернулся?

Каэл выключил линию.

— Сначала не было дороги. Потом мы строили новую. А когда она появилась, я должен был бы оставить очень многое. Но это уже не объясняет первые годы.

— Расскажи сначала первые.

Он встал и спросил, хочет ли она пройтись. В комнате можно было сделать пять шагов от стены до стены. Эйлин согласилась всё равно.

В коридоре пахло влажной тканью. Из соседнего отсека вынесли рулон защитного покрытия. Рабочий в коротком каркасе уступил им дорогу, узнал Каэла и прикоснулся к его плечу двумя пальцами. Отец ответил таким же жестом. У него были знакомые, здешние мелкие привычки и дорога, которую он прошёл уже много раз. Эту простую вещь Эйлин ощутила сильнее, чем названные тысячелетия.

Они спустились на нижний уровень барабана. Там находился открытый для посетителей ремонтный зал. На стенде лежал неровный чёрный обломок, похожий на часть старого маховика.

— Это с наших первых врат, — сказал Каэл. — Центральная опора. Мы привезли её сюда для независимой проверки. Ваш техник уже взял образцы.

Эйлин подошла ближе. На изломе блестели мелкие включения. В одном месте обшивка сохранила номер изготовителя. Она увидела старый знак эдранской верфи, которым помечали даже посуду на первых дальних судах.

— Что случилось?

— Ошибка при перестройке крепления. Мы хотели разгрузить кольцо и убрать массивную раму. Два независимых расчёта опирались на одно и то же неверное измерение. Они были независимыми только по исполнителям.

Он говорил без торжественной медлительности. Эйлин слушала как специалист, потому что так было легче.

— Во время переключения нагрузка сместилась. Проход схлопнулся. Погибли одиннадцать человек, шестеро остались по другую сторону, остальные — здесь. До вас дошли повреждённые записи. Мы ещё несколько месяцев пытались поймать хотя бы устойчивый канал.

— А послать обычный корабль?

— У нас был один с межзвёздным ходом. На нём оставались топливо и тормозная система, но он не мог доставить новое кольцо: его нужно было построить. Могли отправить несколько человек. Почти четыре световых года, без готового приёма у Эдры, с сомнительной возможностью затормозить. Мы спорили. Я поддержал строительство на месте.

— Ты мог оказаться среди тех нескольких.

— Мог.

Ответ был коротким. Эйлин ждала продолжения, которое уменьшит его вес. Каэл не продолжил.

— Но письмо ты мог отправить? Потом, когда заработал дальний передатчик?

— Мог.

— Наши доходили?

— Да.

Она отвернулась от обломка. Все эти годы ей было легче представлять сломанную машину. Машина лежала перед ней, и теперь отец сам сказал, что дело было не только в ней.

— Сейчас я не могу об этом говорить, — сказала Эйлин. — Но мы вернёмся.

Мимо прошёл молодой человек с узким длинным контейнером. Он попросил их отступить от рабочей дорожки. Отец извинился и потянул Эйлин за локоть, чтобы она не ударилась о выступ стенда. Прикосновение оказалось тёплым.

Она посмотрела на его руку. Каэл сразу убрал её.

— Не надо каждый раз, — сказала Эйлин.

— Что?

— Делать вид, что я сейчас разрушусь.

Он опустил руку к бедру.

— Хорошо.

Они перешли к окну. За ним изгибалась внутренняя стенка барабана. Вдали светилась зелёная полоса; растения оказались не снаружи, как ей показалось при первом взгляде, а в тонкой герметичной теплице вдоль оболочки.

— В какой момент ты решил стать... — Она остановилась.

— Таким?

— Не только тело. Всё это.

— Не было одного момента. Сначала мы расширили возможности памяти. Потом увеличили скорость работы на коротких участках. Перенос стал нужен тем, кто строил вычислительные среды возле звезды. Биологическое тело приходилось держать далеко. Я начал с нескольких часов. Потом возвращался. Потом однажды понял, что дома называю уже другое место.

Он посмотрел на теплицу.

— Это случилось раньше, чем я признался себе. Я продолжал говорить, что мы временно устроились. А у людей уже были дети, умершие друзья, любимые комнаты. Мне понадобилось много времени, чтобы перестать обещать им всем прежнюю жизнь.

— А нам?

Каэл не отвернулся.

— Вам я продолжал обещать её в мыслях. Хотя не имел права.

Эйлин долго смотрела на маленькую машину среди листьев. Теперь она видела резервуар с водой и тонкую трубку, которая подводила влагу к корням. Всё было устроено понятно. Это казалось неожиданной роскошью.

— Мама жила с Тавером, — сказала она.

Отец молчал.

— Не сразу. Мне было девятнадцать, когда он остался у нас впервые. Я на него кричала. Не потому, что ждала тебя. Просто он сделал вид, что знает, где у нас лежат чашки.

Уголки отцовского рта дрогнули.

— Он хорошо к ней относился?

— Да. Они ссорились из-за пустяков. Ездили в старый сектор поесть ужасных сладостей. Она говорила, что он смешно спит. Нери называла его дедом.

— Он жив?

— Умер через два года после неё.

Каэл кивнул и поставил ладонь на раму окна. В этом движении было так много усилия, что Эйлин на мгновение испугалась за стекло. Но ладонь только лежала, распластав длинные пальцы.

— Я рад, что она не была одна, — сказал он.

— Я знаю. Только не обязательно говорить это сейчас.

Впервые с начала встречи он посмотрел на неё без осторожности. Просто посмотрел — устало и внимательно, как на человека, который заметил то, что он сам старался спрятать.

Из кармана Эйлин донёсся тихий сигнал. Оша спрашивала, нужна ли помощь. Она ответила, что нет, и выключила звук.

— У меня есть запись её голоса, — сказала она. — Мы выбирали Нери подарок. Мама спорит со мной, потом смеётся. Там ничего особенного.

— Если ты можешь прислать...

— Могу. Но давай слушаем вместе. Потом.

Каэл закрыл глаза. Тёмная полоса над ними осталась неподвижной.

Когда они вернулись в комнату, вода в сосуде ещё не остыла. Эйлин налила себе и отцу. Он взял чашку правой рукой, которой удобнее было обхватить широкую ручку.

— Что ты пьёшь у себя? — спросила она.

— Иногда ничего. В среде у меня есть несколько ощущений, которые заменяют привычные вкусы. Иногда — очень горькую жидкость. Ты бы сказала, что она пахнет испорченным деревом.

— Наверное, сказала бы.

Они выпили воды. Она показалась Эйлин тёплой и немного сладкой.

Через стену было слышно, как кто-то смеётся. Каэл узнал голос и невольно повернул голову. Эйлин заметила это. Отец вернулся к ней, но там, за стеной, оставалась его жизнь.

Она ещё не знала, сумеет ли войти в неё. Пока хватало того, что дверь оказалась настоящей.

Глава 6. Первый общий час

В комнате переговоров не хватало одного стула.

Работник станции привёз его через минуту после начала. Стул оказался ярко-красным, с низкой спинкой и выемкой для хвоста либо дополнительной конечности. Вальт отодвинул свою папку, пропуская рабочего, и сел так, чтобы выемка оставалась сбоку.

Эйлин была благодарна этому стулу. После встречи с отцом ей казалось невозможным обсуждать что-либо обычное. Теперь пришлось помочь Вальту подобрать высоту, и мир на несколько секунд стал посильным.

Каэл сидел у окна. Он пришёл как один из специалистов по движению системы, не как глава принимающей стороны. Между ним и Эйлин устроилась невысокая женщина с серебристыми волосами. Кожа её рук была тёмной и совершенно человеческой; на пальце виднелось пятно краски.

— Маэль Ро, — представилась она. — Обод. Мы содержим здешние медленные станции.

— Эйлин Сенн.

— Знаю. Не по семейным обстоятельствам. Ты утром поправила карточку наших соседей.

Маэль протянула ей узкую чашку. В ней оказалась жидкость цвета мокрой глины.

— Можно отказаться, — предупредила она. — Это местное. Мы сами ещё спорим, получилось ли съедобно.

Эйлин попробовала. Вкус был солоноватым, с чем-то ореховым. Она сделала второй глоток.

— Получилось.

— Тогда завтра скажешь это повару. Моим словам он не верит.

На противоположном конце стола возникли три овала Суэль. Рядом зажёгся вертикальный светлый столбик. Он представился Намиром, уполномоченным сообщества Дальнего света. Намир выбрал голос без заметного пола и не стал объяснять свой облик. Его изображение занимало ровно столько места, сколько человеческое тело.

Оша и Анса оставались у двери. Мерион представлял Илан Тосс, широкоплечий мужчина с бритой головой и спокойными тяжёлыми руками. Он положил перед собой только средство связи. От Туранта прибыла Лесс Ару — женщина примерно возраста Эйлин, в мягкой куртке без знаков. Сначала её приняли за переводчика. Лесс поправила представившего её помощника и больше к этому не возвращалась.

— Один общий час, — сказала Маэль. — Все присутствующие работают на единичной скорости. У каждого есть право прервать участие. Решения за отсутствующие сообщества мы не принимаем.

Тосс посмотрел на столбик Намира.

— Вы действительно замедлились?

— Да.

— Это можно проверить?

— Моё присутствие здесь проходит через выделенную среду. Её такт доступен вашим техническим специалистам. Остальные жители Дальнего света не замедлялись. Если вам нужно, чтобы они тоже перестали жить, скажите это отдельно.

— Нам нужно исключить скрытое преимущество при обсуждении.

Лесс Ару отставила чашку.

— Мы ведь не отключили наши штабы. Разница в скорости существует. Можно ограничить обращения за подсказками у всех участников, если этого достаточно.

Вальт кивнул. Тосс согласился после короткой паузы. В общем канале установили простой признак: любое внешнее сообщение участник либо открывает всем, либо откладывает до перерыва. Эйлин ожидала, что спор продолжится. Вместо этого Маэль начала перечислять необходимые условия подхода.

Большая часть разговора оказалась скучной и нужной. Какие частоты не занимать. Где расположены населённые участки. Кому сообщать о выбросе рабочего вещества. Сколько времени местные службы гарантируют сопровождение без новых соглашений. Вальт задавал точные вопросы и записывал ответы без выражения торжества, когда находил неясность.

Потом Тосс попросил вынести сведения о населении в отдельный раздел.

— До согласования статуса мы не можем включить вычислительные системы в перечень экипажей. У наших служб разные процедуры контроля для людей и программного обеспечения.

Светлый столбик Намира стал ниже. Это могло быть движением плеч, могло — совсем другим жестом.

— Сколько лет мне нужно прожить, чтобы вы перестали называть меня поставкой?

— Длительность работы не определяет правовой статус.

— Что определяет?

— Источник регистрации, непрерывность личности, признание уполномоченным государством.

— Последнего у нас нет, — сказала Маэль. — Зато есть первые два. Вы можете временно учитывать нас как жителей до отдельного решения. Вопрос безопасности устройств от этого не исчезает.

Тосс повернулся к ней.

— Ты понимаешь, что проходит через такое кольцо? Не посетитель с оружием в кармане. Среда, внутри которой за наш день могут разработать нападение, испробовать тысячи вариантов и отправить исполнителей. Мы не разрешаем неизвестным корабельным разумах прямой доступ к сети. Почему здесь должно быть исключение?

Эйлин посмотрела на Ирея. Его обозначение оставалось неподвижным возле Ансы.

— Исключения не требуется, — сказал он. — Я также не прошу прямого доступа к жилым средам Немета. Мы обмениваемся проверяемыми сообщениями. Если вам нужен карантин канала, обсуждайте канал.

— А если сам жилой модуль является средством проникновения?

— Тогда изоляция соединений обоснована, — ответила Оша. — Принудительное изменение скорости всех его жителей из этого не следует.

Тосс впервые посмотрел на врача.

— Ты специалист по этим существам?

— Пока нет. Поэтому особенно не хочу начинать с вмешательства, последствия которого не понимаю.

Маэль провела ладонью по столу. Появилась схема шести модулей.

— Триста двенадцать человек подали заявки на проход. Двести семьдесят один хочет посетить человеческие системы. Остальные сопровождают близких либо обслуживают жильё. Мы готовы оставить модули на изолированной стоянке у вашего конца, запретить активные соединения и использовать подготовленные тела для тех, кто выберет такой способ. Но тела надо предоставить. И стоянка должна поддерживать охлаждение.

Эйлин впервые увидела в разговоре очертания задачи, которую можно было решить. Не определения, а место, устройства и конкретные люди, ожидающие результата.

Вальт попросил время для связи с Эдрой. Лесс предложила временную стоянку возле турантского причала, пока её власти рассматривают вопрос. Тосс напомнил, что все три экспедиции обязались не открывать обратный проход неучтённым грузам.

Слово снова повисло над столом.

— Жилым модулям, — поправил Анса.

— Неучтённым жилым модулям, — согласился Тосс. — Для безопасного прохода нам всё равно понадобится знать их содержимое.

— Ты знаешь содержимое головы своего помощника? — спросил Намир.

— Я знаю, кто за него отвечает.

— А я отвечаю за себя.

Суэль вмешалась раньше, чем спор стал громче:

— Разделим осмотр корпуса и доступ к внутренней жизни. Первое можно провести совместно. Для второго вы ещё не назвали достаточного основания. Через сорок минут обычного времени наша первая группа уже должна начинать подготовку к переходу. Если разрешения нет, ей надо сообщить сейчас.

Эйлин посмотрела на часы. От начала встречи прошло двадцать две минуты. Она успела устать от разговора, а кто-то снаружи уже ждал его результата, решая, покидать ли дом.

— Передайте задержку, — сказал Вальт. — Я не обещаю разрешение сегодня.

Маэль открыла общее сообщение и отправила несколько строк. На схеме шесть модулей сменили зелёный цвет на белый.

— Люди смогут остаться здесь? — спросила Эйлин.

— Пока да. Но они снялись со старых мест. У некоторых прекращаются договоры на теплоотвод и энергию. Мы приняли их на переходную стоянку, не на постоянное жительство.

— Вся эта огромная система не найдёт места для шести домов?

Маэль повернулась к ней всем корпусом.

— Найдёт. Кто-нибудь уступит мощность. Кто-нибудь заплатит. Кто-нибудь перенесёт свою работу или согласится жить медленнее. Я хочу, чтобы это стало решением конкретных людей, а не свойством огромной системы, которая всем всё должна.

Эйлин ощутила, как краснеет. Она сама не любила подобные вопросы на Орибе: почему при таком размере станции нельзя разместить ещё один тяжёлый аппарат у её шлюза. Здесь она произнесла тот же вопрос почти с тем же тоном.

К концу часа согласовали совместный осмотр модулей и независимые измерения двигателя. Не согласовали право прохода и вооружённое сопровождение во внутренних областях. Тосс потребовал указать оба пункта явно. Маэль указала.

Участники начали вставать. Красный стул Вальта тихо скрипнул. Намир исчез сразу после прощания, словно выключили лампу. Суэль осталась.

— Для тебя этот час много стоил? — спросила Эйлин, когда они оказались у двери.

— Сегодня — нет. Я заранее освободила время.

— А для остальных?

— Намир пропустил большую часть местного рабочего месяца. Для Маэль это был просто час. У Каэла сейчас тоже медленный режим, но он выбирает его по другой причине.

Эйлин не посмотрела на отца, складывавшего принесённые записи.

— Почему вы не оставляете здесь копии для переговоров?

— Некоторые оставляют. Тогда нужен человек, которому они действительно отдадут право решать. Копия не обязана оставаться согласной с тем, кто её создал. После месяца здесь она может иметь другую позицию. Как посол, который долго прожил далеко от дома.

— А ты не можешь?

— Могу. Не хочу. У меня уже есть одна история, которую трудно успевать проживать.

Суэль сказала это легко. Эйлин подумала, что привыкла ожидать от местных трагедии за каждым ограничением, а иногда за ним стояло обычное нежелание усложнять себе жизнь.

Маэль догнала их у перехода.

— Зайдёшь к нам после осмотра? Не сегодня. У тебя, кажется, будет тяжёлый день. Завтра или послезавтра.

— Зачем?

— Посмотришь, как живут те, кто не считает собственную медлительность болезнью. Суэль всё равно поведёт тебя в Сад. Иначе ты решишь, что у Немета есть только один способ существовать.

— Это приглашение или политическая работа?

— Обед. Он вполне выдержит обе причины.

Маэль ушла, унося пустые чашки. Эйлин видела, как она задержалась возле рабочего с красным стулом и что-то показала ему на подлокотнике. Женщина, представлявшая тысячи жителей, считала нужным сообщить о плохо закреплённой детали.

На корабле её ждало письмо Нери. Дочь прислала изображение готового макета и одну строку: «Крыша снова не влезает, но теперь я хотя бы знаю почему».

Эйлин долго рассматривала маленькое светлое здание. Затем включила запись и рассказала дочери о красном стуле, траве за стеклом и человеке, который помнил не тот цвет её куртки.

Про шесть тысяч двести лет она сказала в конце. Перед этим ей понадобилось убедиться, что сможет произнести число вслух ещё раз.

Глава 7. Носители города

Осмотр начинался с наружной поверхности. Фарес повторил это трижды: перед выходом, в шлюзе и уже возле первого модуля, когда мерионский специалист попытался соединить свой прибор с сервисной панелью.

— Нам выделили диагностический порт, — возразил тот.

— Для характеристик охлаждения. Сейчас у тебя запрос на полный перечень внутренних процессов.

Специалист посмотрел на экран. Он был молод, и открытая досада сделала его ещё моложе.

— Прибор так работает.

— Тогда переведи в ручной режим.

Молодой человек запросил помощь у корабля. Фарес терпеливо ждал. Эйлин подумала, что от согласованных утром слов до действительного прикосновения к чужому дому оказалось всего несколько нажатий по умолчанию.

Шесть модулей держались на раме, медленно вращавшейся относительно станции. Для внутренней жизни это не было нужно; поворот распределял нагрев внешних поверхностей. На стороне звезды стояли лёгкие отражающие щиты. Широкие радиаторы смотрели в свободную темноту.

Маэль объясняла устройство через общий канал. Она оставалась внутри станции, потому что скафандр после утренней работы требовал проверки, а запасной не подходил к её имплантам. Эта бытовая причина почему-то помогала Эйлин помнить, что местные не могут делать всё.

У шестого модуля их встретило изображение человека по имени Ивель. Его лицо появилось на внешнем дисплее, небольшом, с поцарапанной поверхностью. Ивель был гладко выбрит, носил круглый воротник и всё время глядел немного в сторону.

— Камера здесь? — спросил он.

Фарес указал на объектив.

— Вот эта.

— Понятно. Нас предупредили, что будет осмотр. Я представитель этой секции. Что вам нужно?

Эйлин увидела за ним комнату с пустыми полками. Не изображение схемы, а обыкновенную комнату, которой с физической стороны соответствовал ящик меньше корабельного грузового отсека. На полу у Ивеля стояла чашка. Подняв её, он оставил мокрое кольцо.

Она поймала себя на мысли, что хочет спросить, зачем ему мокрые кольца в вычислительной среде. Потом вспомнила свою каюту, где нарисованное окно показывало несуществующий вид Орибы.

— Проверить крепления, охлаждение и внешние передатчики, — ответил Фарес. — Внутренние помещения и личные данные в осмотр не входят.

Ивель улыбнулся. Улыбка была короткой и благодарной.

— Тогда начинайте.

В шестой секции жили сорок шесть человек. Трое находились на добровольной паузе до прибытия, остальные пользовались разными скоростями. Для разговора Ивель снизил свою до единицы. Он объяснял, какие разёмы относятся к жилой части, какие — к управлению корпусом. Мерионский специалист записывал всё в отдельную таблицу.

Эйлин занималась будущим маршрутом буксировки. Масса модуля отличалась от заявленной на семь десятых процента. Причина нашлась быстро: после отправки первичной кар-

точки к наружной раме добавили запасные излучающие полотнища. Для буксира разница была небольшой, но при тесном проходе между опорами её следовало учитывать.

Она отправила поправку Ирею. Тот подтвердил получение и запросил допустимую длительность отключения внешнего теплоотвода.

Ответ не пришёл.

На лице Ивелия осталось выражение, с которым он слушал последний вопрос. Вокруг изображения появилась серая кайма. Фарес посмотрел на свой прибор.

— Стоп. Никто ничего не подключает.

Молодой специалист поднял обе руки.

— У меня только пассивное считывание.

Под модулем что-то дрогнуло. Эйлин почувствовала слабый толчок через ботинок, закреплённый на ферме. Один край большого радиатора начал уходить в сторону.

— Утечка во внешнем контуре, — сказала Маэль. — Закройте участок у шарнира. Левый клапан, метка четыре.

Фарес уже двигался туда. Из разъёма вылетали блестящие точки, быстро рассыпавшиеся в темноте. Эйлин сначала приняла их за обломки, потом увидела, как одна точка меняет форму. Рабочая жидкость уходила из контура.

— Ивели, вы нас слышите?

Экран оставался неподвижным.

— Их служба сейчас перераспределяет нагрузку, — ответила Маэль. — Пожалуйста, не требуйте разговора. Канал сообщит состояние автоматически.

Эйлин заставила себя отвести взгляд. Её дело было снаружи. Если она будет смотреть в застывшее лицо, труба не перестанет терять жидкость.

Фарес дошёл до клапана, зафиксировался и повернул ручку. Она остановилась на половине хода.

— Перекос привода. Нужен локальный обход.

Мерионский специалист спросил разрешение подойти. Фарес коротко кивнул. Молодой человек снял с пояса универсальный зажим, поставил его на гибкую часть линии и показал усилие на экране.

— Дальше пережмёт стенку.

— Достаточно. Держи.

Поток точек стал редким. Одна медленно пролетела перед лицом Эйлин. В ней отражался маленький медный Намет.

Маэль назвала время: до автоматического ограничения внутренней активности оставалось семь минут. Оно не убивало жителей, но часть работ и незавершённых переходов пришлось бы аварийно прервать. Эйлин спросила, можно ли подключить запасной контур станции.

— Линия занята другими модулями. Можем снять часть нагрузки, если они согласятся.

— Сколько нужно?

— Для устойчивого режима — тридцать процентов свободной мощности нашего резервного излучателя. Для безопасной паузы достаточно девяти.

Эйлин открыла карту. «Авенир» стоял на расстоянии двухсот метров. Его причал имел сервисный теплообменник для охлаждения груза. Не жилых вычислителей, но теплу было всё равно, как назывался источник.

— Анса, можно использовать наш порт?

— Совместимость?

Фарес ответил вместо неё:

— Жидкости смешивать нельзя. Нужен промежуточный обменник. У местных есть переходной блок.

— И сколько времени его тащить?

— Четыре минуты, если он на месте.

Переходной блок оказался не на месте. Его выдали соседней секции для проверки перед рейсом. Маэль нашла его, объяснила причину и получила согласие. Пока небольшой грузовой аппарат отделялся от станции, второй модуль добровольно снизил рабочую скорость. Освободившаяся мощность растянула оставшееся время до одиннадцати минут.

Эйлин построила путь аппарата между фермами. Прямой маршрут пересекал стоянку мерионской шлюпки.

— Её нужно отвести на восемь метров.

Тосс получил запрос. Ответил не сразу. Восемь метров казались ничтожным расстоянием, пока Эйлин не увидела включённую охранную область: шлюпка должна была защищать людей, работавших снаружи, и для смены положения её командиру требовалось снять один из секторов наблюдения.

— Мои специалисты закончат и отойдут, — сказал Тосс.

— Они сейчас держат повреждённую линию, — ответил Фарес. — Мы отойдём вместе с жидкостью. Лучше сместите шлюпку.

Молодой мерионец молчал. Его обе руки лежали на зажиме. Он не делал вид, что приказ корабля относится к кому-то другому.

Через несколько секунд Тосс разрешил манёвр.

Грузовой аппарат прошёл на расстоянии вытянутой руки. Эйлин поймала свободный край рукава, пока Фарес освобождал место для соединения. Рукав оказался тяжелее, чем выглядел: при попытке остановить его движение она сама повернулась вокруг точки крепления.

— Не тяни, — предупредил Фарес. — Направляй. Остальное сделает аппарат.

Она ослабила хватку. Соединитель медленно встал напротив гнезда. Защёлки закрылись по очереди, каждая отдельно подтвердила положение. На экране появилась новая линия температуры.

Она сначала росла. Эйлин не могла оторваться от цифр.

— Дайте потоку пройти, — сказала Маэль.

Через сорок секунд рост остановился. Ещё через минуту значение начало падать.

Ивель на экране моргнул и посмотрел вниз, на свою чашку.

— У нас всё? — спросил он.

— Временный контур работает, — ответила Маэль. — Не возвращайте прежнюю скорость до проверки.

— Я понял. Сколько прошло?

— Девять минут с начала аварии.

Ивель кивнул, будто вспомнил назначенную встречу. Потом его лицо изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.